

— ВИРУС МАНДЕЛЫ —

КНИГА ПЕРВАЯ

ОСТРОВ СОКРОВИЩ

ГЛАВА, КОТОРОЙ НЕ БЫЛО

БИБЛИОТЕКА
«МАЯК»

Р. Л. СТИВЕНСОН
ОСТРОВ
СОКРОВИЩ

1956

ЧИТАТЕЛИ
МЕНЯЮТ
МИРЫ

Эксперимент №1
Остров сокровищ
Заражение:
слава 11
Результат:
трализован

Юрий Адаменко
Вирус Манделы. Книга
1. Остров сокровищ.
Глава, которой не было.

*<https://litres.ru/73991448>
SelfPub; 2026*

Аннотация

Что я предлагаю читателям? - Я пишу эту книгу вместе с вами!
После публикации главы выбираем лучшую идею продолжения в комментариях.

Что угодно: диалог, неожиданный поворот, появление нового персонажа, комическая ситуация, враг, ловушка, погоня.

Выберем самый залайканный (или просто самый крутой) комментарий и пишем следующую часть по вашей идее.

Иногда я могу объединять несколько идей, если они не противоречат сюжету.

Ася Ветрова — обычный библиотекарь. Она не мечтала о приключениях — приключения сами ворвались в её жизнь, когда однажды она обнаружила: классические книги заражены. Сюжеты великих романов искажаются, герои предают себя, финалы становятся кровавыми. Ася умеет попадать в книгу, в самую гущу искажённой сцены, и обязана вернуть всё на свои

места. Пираты, рыцари, детективы, космические странники — везде нужна девушка, которая знает текст наизусть. Но одно дело — читать про опасность, и совсем другое — встать под пули самой.

Содержание

Глава 1	5
1	6
Конец ознакомительного фрагмента.	28

Юрий Адаменко
Вирус Манделы. Книга
1. Остров сокровищ.
Глава, которой не было.

Глава 1

1

Ключ повернулся в замке с металлическим стуком, который обещает долгий и ничем не примечательный рабочий день. Ася Ветрова толкнула тяжёлую дверь и вошла в библиотеку «Маяк», попутно стряхивая с зонта капли холодного октябрьского дождя. Зонт, как обычно, не желал складываться, норовил вывернуться наизнанку и утянуть её обратно на крыльцо, но Ася была настойчивее.

Внутри пахло старой бумагой, книжным клеем и едва уловимой сыростью из подвала. Запах, который Ася про себя называла «ароматом вечности». Ей нравилось приходить первой, когда зал ещё пуст, стулья аккуратно задвинуты под столы, а ряды стеллажей напоминают спящий лес. Тишина в библиотеке была особенной, какой-то живой и вязкой, как мёд. Казалось, что книги дышат. А может, они и правда дышали.

Ася прошла к своему столу, по пути включив свет. Лампы под высоким потолком зажглись не сразу, а как-то нехотя, с лёгким гудением, словно тоже не выспались. Библиотека «Маяк» размещалась в старом здании начала прошлого века, и электричество здесь водилось капризное. Иногда, в особенно дождливые дни, лампы начинали моргать, создавая в зале атмосферу дешёвого фильма ужасов, но сегодня, кажется, обойдётся.

Стол Аси стоял в дальнем конце читального зала, у окна, выходящего во внутренний двор. Двор был крошечный, заросший чахлыми кустами, которые дворник подстригал два раза в год, и украшенный ржавой урной. Вид так себе, но зато окно давало свет. Ася поставила на стол термос с чаем, положила рядом потрёпанный блокнот в клеёнчатой обложке и села в кресло. Кресло скрипнуло приветственно. Оно тоже было старым и помнило, кажется, ещё первых читателей.

Сегодня был вторник. Вторник — день тихий, без очередей, без школьных экскурсий и без пенсионеров, которые приходят целыми делегациями по средам. По вторникам можно было спокойно разобрать накопившиеся дела, подклеить ветхие страницы и, если повезёт, почитать что-нибудь для себя. Ася любила вторники.

Она открыла термос и налила себе чаю. Чай был мятный, уже порядком остывший, но всё равно вкусный. Ася заваривала его дома, в старой керамической кружке с надписью «Лучшему библиотекарю» — подарок коллег на прошлый Новый год. Кружка была несуразно большой, с криво нарисованным совёнком, но Ася её обожала. Она вообще питала слабость к вещам с историей, даже если история эта ограничивалась покупкой в сувенирной лавке.

Сделав глоток, она пододвинула к себе стопку читательских формуляров. Бумажная работа была не самой любимой её частью профессии, но Ася подходила к ней с той же дошностью, с какой её бабушка раскладывала пасьянс. Ме-

тодично, терпеливо и с твёрдой уверенностью, что порядок в карточках — залог порядка в мире.

Так, посмотрим. Пять должников. Первый — студентка-второкурсница, забывшая вернуть «Войну и мир» ещё в сентябре. Ася усмехнулась: студенты всегда брали «Войну и мир», искренне веря, что прочитают все четыре тома за семестр. В реальности же первый том застревал где-то на описании вечера у Анны Павловны Шерер, а остальные три кочевали обратно на полку с чувством выполненного долга. Вторая должница — пенсионерка, бравшая дамские романы и стабильно задерживавшая их на три дня. Ася давно махнула на неё рукой. Третий — мужчина средних лет, взявший учебник по сопромату и пропавший на месяц. Ася пометила в блокноте: позвонить.

Четвёртый должник отсутствовал в списке. То есть формуляр был, а фамилия — стёрта, будто кто-то тёр ластиком, да так и бросил. Ася нахмурилась, покрутила карточку в пальцах и отложила в сторону. Странно.

Пятым значился некто Семён Игнатьевич Крупкин, который уже месяц не возвращал «Кулинарную энциклопедию». Ася помнила его: грузный, в плаще с чужого плеча, с одышкой и манерами человека, который привык, что мир ему что-то должен. Он брал книги исключительно по кулинарии, утверждая, что осваивает искусство французских соусов. Судя по тому, что энциклопедия не возвращалась уже тридцать два дня, искусство давалось ему с трудом.

Ася сделала пометку: «Крупкин — штраф 960 рублей». Затем, подумав, добавила: «Если вернёт — скидка 50%». Она была библиотекарем, а не цербером.

Покончив с формулярами, Ася встала и направилась к стеллажу, где высилась гора книг, сданных накануне. Гора была внушительной: понедельник — день массового возврата, когда читатели, проведя выходные в тщетных попытках осилить взятое, приносили книги обратно. Ася окинула стопку взглядом и принялась за сортировку.

Первой в руки попала «Азбука садовода» с пятном от компота на обложке. Ася вздохнула: компот был, кажется, вишнёвый. Она протёрла обложку влажной салфеткой, которую всегда держала в ящике стола, и отложила книгу в сторону. Следующей шла «Краткая история философии» — увесистый том, явно ни разу не открытый. Ася проверила корешок: так и есть, хрустит. Эту книгу брали для статуса, не для чтения.

Третьей оказалась тоненькая брошюра «Как перестать беспокоиться и начать жить». Ася хмыкнула: судя по состоянию брошюры, её читали раз пятьдесят, но беспокоиться читатель так и не перестал.

Дверь библиотеки отворилась с характерным гулким стуком, который Ася научилась распознавать безошибочно. Звук был тяжёлый, с нажимом. Так открывают дверь люди, привыкшие, что мир расступается перед ними, а не наоборот.

рот. Ася подняла голову от блокнота, куда как раз записывала свои наблюдения о странном экземпляре «Острова со-кровищ», и увидела его.

Семён Игнатьевич Крупкин собственной персоной. Он был грузный, широкий в кости, с объёмным животом, который перекатывался поверх ремня брюк. На нём красовался длинный плащ мышиноного цвета, явно с чужого плеча — рукава были коротковаты, а пуговицы застёгивались с натягом. Плащ был мокрым от дождя, и от него пахло мокрой шерстью и чем-то, неуловимо напоминавшим подгоревшее масло. Вода стекала с его обширной лысины на воротник, и он, не глядя, смахнул капли ладонью, разбрызгав их по ближайшему стеллажу.

Ася внутренне подобралась. Семён Игнатьевич Крупкин относился к той категории читателей, которых она про себя называла «трудными». Не то чтобы он был злым или грубым — нет, он был хуже. Он был убеждён в своей исключительной правоте. В его мире библиотеки существовали, чтобы обслуживать его литературные потребности, а библиотекари — чтобы не путаться под ногами. Он не спорил, он ставил перед фактом. И сейчас, глядя на его надвигающуюся фигуру, Ася почувствовала, как где-то под ложечкой зарождается знакомое ощущение — предвестник долгого и утомительного разговора.

— Здравствуйте, — сказала она, стараясь, чтобы голос звучал бодро и профессионально. — Семён Игнатьевич, ес-

ли не ошибаюсь?

Крупкин остановился перед столом, нависая над ним, как айсберг над спасательной шлюпкой. От него пахло дождём, табаком и тем самым подгоревшим маслом. Он упёрся ладонями в столешницу и наклонился чуть вперёд, отчего Ася инстинктивно отодвинулась вместе с креслом.

— Не ошибаетесь, — прогудел он. Голос у него был низкий, словно он только что спорил с кем-то на улице и остался не вполне удовлетворён результатом. — Я насчёт книги.

Ася мысленно перебрала возможные варианты. «Кулинарная энциклопедия», взятая месяц назад. Которая уже тридцать два дня числилась в должниках и накопила штраф в девятьсот шестьдесят рублей. Она сложила руки на столе и приготовилась к дипломатической операции.

— Да, конечно, — сказала она. — «Кулинарная энциклопедия». Вы хотели бы её вернуть?

Крупкин издал звук, который мог означать всё что угодно — от лёгкого недовольства до глубокого философского несогласия.

— Вернуть? — переспросил он. — Зачем? Я ещё не закончил. Мне нужна она ещё на недельку. Я осваиваю искусство французских соусов.

Он произнёс это с такой значительностью, словно речь шла не о соусах, а о спасении человечества. Ася представила, как он стоит у плиты в своём плаще (почему-то она была уверена, что готовит он непременно в плаще), и колдует над

кастрюлькой с чем-то дымящимся, от чего пахнет подгоревшим маслом. Картина была яркая и немного пугающая.

— Понимаю, — сказала Ася, тщательно подбирая слова. — Но, видите ли, книга уже просрочена. Тридцать два дня. По правилам библиотеки, за каждый день просрочки начисляется штраф

— Тридцать рублей в день, я помню, — перебил Крупкин и, не дав Асе договорить, швырнул на стол мятую купюру. Купюра была влажной, сложенной вчетверо и явно побывавшей в переделках. Ася осторожно взяла её двумя пальцами. Тысяча рублей. Хмыкнув про себя, она открыла ящик стола, чтобы достать сдачу.

— Этого хватит? — спросил Крупкин тоном, не предполагавшим отрицательного ответа.

— Девятьсот шестьдесят рублей, — сказала Ася, аккуратно расправляя купюру и укладывая её в кассу. — Сдачи сорок рублей. Одну минуту.

— Оставьте себе, — махнул рукой Крупкин. — На развитие библиотеки.

Ася сдержала вздох. Развитие библиотеки за счёт сомнительных чаевых не входило в её должностные обязанности, но спорить с Крупкиным было всё равно что пытаться остановить танк. Она молча положила сдачу в конверт и сделала пометку в формуляре: «Крупкин С.И. — штраф оплачен. Книга продлена на одну неделю».

Крупкин кивнул и направился к выходу. Шаги его были

тяжёлыми, и пол под ним слегка прогибался. У двери он остановился, обернулся и сказал:

— Соусы, между прочим, получаются отличные. Особенно бешамель. В следующем месяце, может, возьму что-нибудь по итальянской кухне.

Дверь за Крупкиным закрылась, и в библиотеке снова стало тихо. Только дождь продолжал барабанить по стёклам, словно отсчитывал секунды уходящего дня. Ася постояла ещё немного у стойки, провожая взглядом мутный силуэт за окном. Крупкин переходил улицу, втянув голову в плечи и не глядя по сторонам, — и почему-то именно эта его манера двигаться, заставила Асю вновь ощутить лёгкий укол тревоги. Она передёрнула плечами, отгоняя ненужные мысли. В конце концов, формуляр заполнен, штраф оплачен. Работа есть работа.

Она вернулась к своему столу, взяла кружку с остывшим чаем и сделала глоток. Мята уже почти не чувствовалась, только горьковатое послевкусие. Надо бы заварить свежий. Она взглянула на термос — тот был пуст. Что ж, значит, придётся дожить до обеда на одной силе воли. Силы воли у Аси, впрочем, хватало. Библиотекари вообще народ выносливый, особенно если учесть, сколько килограммов книг они перетаскивают за день, даже не замечая этого.

Она встала и направилась к стеллажу, куда утром уже успела отнести несколько книг. Там, в глубине зала, у даль-

ней стены, высились ряды с классической литературой.

Но когда Ася подошла к стеллажу, она замерла. Книги стояли ровным строем — бордовые, коричневые, золотистые корешки с тиснёными буквами. Здесь обитали Диккенс и Теккере́й, Джейн Остин и Шарлотта Бронте, Вальтер Скотт и Фенимор Купер. Солидная компания, проверенная временем. И где-то среди них, между «Айвенго» и «Квентин Дорвардом», должен был стоять Роберт Льюис Стивенсон. Но его там не было.

Ася нахмурилась и провела пальцем по корешкам. Туда-сюда, медленно, вглядываясь в каждую фамилию. Скотт, Скотт, Смоллетт (нет, не капитан, а Тобайас, писатель), Стерн Стивенсон отсутствовал.

— Так, — сказала Ася вслух. — Этого не может быть.

Она точно помнила, что перед уходом в прошлую пятницу все книги стояли на местах. Она сама расставляла их, проверяла по каталогу, вытирала пыль. Она могла забыть, выключила ли утюг дома, но расположение книг помнила с точностью до миллиметра. Это была её территория, её система, её маленькая вселенная, в которой царил порядок.

И вот — порядка не было. Ася развернулась и обвела взглядом зал. Может, кто-то из читателей переставил? Такое случалось. Задумчивый посетитель брал книгу с полки, листал, а потом ставил обратно в первое попавшееся место. Ася обычно находила такие «заблудившиеся» экземпляры за пару минут. Опытный глаз библиотекаря выхватывал чужерод-

ный корешок мгновенно, как дирижёр выхватывает фальшивую ноту.

Она медленно пошла вдоль стеллажей, сканируя взглядом ряды. Русская классика — всё на месте. Фантастика — в порядке. Детективы — на своих полках. Дамские романы — яркие обложки с неизменными красавицами в исторических нарядах, которые смотрели вдаль с выражением томной загадочности. Ася скользнула по ним взглядом и уже собиралась идти дальше, как вдруг остановилась.

Между «Гордостью и предубеждением» и «Джейн Эйр» торчал потрёпанный зелёный корешок. «Остров сокровищ» стоял, зажатый между двумя любовными романами, как пират, случайно забредший на бал.

— Ну конечно, — пробормотала Ася, вытаскивая книгу. — Приключения путают с любовными историями. Вечно у нас так.

Она покачала головой и взглянула на обложку. Кто-то вытащил книгу, полистал, а потом засунул куда попало. Обычное дело, право слово. Но всё равно обидно: Стивенсон не заслужил соседства с герцогинями и гувернантками. Ему бы на волю, под паруса, к солённому ветру и картам сокровищ.

Ася машинально открыла книгу. Просто так, без всякой задней мысли. Открыла ровно на середине, там, где начиналась её любимая глава. «Что я услышал, сидя в бочке из-под яблок» — название, знакомое до последней буквы. Она прочитала его и улыбнулась: сколько раз она повторяла про себя

эти слова? В детстве эта глава казалась ей самой захватывающей. Джим в бочке, пираты рядом, опасность дышит в затылок. Сердце колотилось всякий раз.

Она пробежала глазами по строчкам — просто так, чтобы ещё раз ощутить вкус текста. Первый абзац: описание трюма, бочки с яблоками, мерное покачивание корабля. Всё как обычно. Второй абзац: Джим забирается в бочку, чтобы достать яблоко, и вдруг слышит голоса

Ася перевернула страницу. Потом ещё одну. И вдруг её улыбка погасла. Она перечитала текст ещё раз, медленнее. Строчки были те же, но смысл ускользал, как вода сквозь пальцы. Джим, вместо того чтобы замереть в бочке и слушать, вдруг устраивается поудобнее, зеваёт и засыпает. Просто засыпает. А пираты спокойно обсуждают план захвата корабля. Никто им не мешает. Никто их не слышит.

Ася оторвалась от книги и посмотрела на обложку, словно хотела убедиться, что это действительно Стивенсон. Зелёный переплёт, потёртый уголок, печать библиотеки 1960-х годов, всё то же самое. Она открыла титульный лист: «Роберт Льюис Стивенсон. Остров сокровищ. Роман. Перевод с английского». Год издания — 1956-й. Издательство «Детская литература». Вроде бы стандартный экземпляр, один из многих.

Тогда почему текст не совпадает?

Ася заставила себя читать дальше. Чем больше она погружалась в эту странную версию, тем сильнее росло в ней

чувство, похожее на то, что испытываешь, когда в знакомой комнате вдруг не находишь привычного предмета. Вот здесь, в этом абзаце, Джим должен был в ужасе замереть, услышав голос Сильвера. А он спит. Вот здесь он должен был понять, кто именно замышляет мятеж. А он видит сны. В книге даже описано, какие именно. Ему снится мать, которая печёт пирог с патокой. Это было бы трогательно, если бы не было так жутко.

Потому что дальше следовало описание мятежа. Люди Сильвера захватывают корабль за считанные минуты. Капитан Смоллетт убит — пуля в грудь, и он падает за борт. Сквайр Трелони убит — его закалывают кортиком прямо на капитанском мостике. Доктор Ливси взят в плен, но позже умирает от ран. Команда частью перебита, частью присоединяется к пиратам. А Джим Хокинс просыпается в трюме со связанными руками и ногами и слышит, как наверху празднуют победу.

Ася закрыла книгу. Руки у неё слегка дрожали. Она стояла так несколько секунд, глядя в пространство. За окном шуршал дождь. В библиотеке было тихо, тепло и уютно. Но ощущение было такое, словно кто-то открыл дверь в зимнюю стужу и холод скользнул по позвоночнику.

— Этого не может быть, — сказала она вслух. И сама услышала, как глупо и неубедительно это прозвучало.

Она вернулась к столу и положила книгу перед собой. Потом подошла к шкафу, где хранился библиотечный каталог.

Нашла карточку «Острова сокровищ»: издание 1956 года, инвентарный номер, дата поступления в фонд. Всё сходилось. Книга была подлинной. По крайней мере, по документам.

Ася достала мобильный телефон и быстро вбила в поиск. «Остров сокровищ глава 11 текст». На экране высветились ссылки. Она открыла первую попавшуюся, пробежала глазами. Текст был другим — таким, который она знала наизусть. Джим подслушал разговор. Джим предупредил капитана. Джим спас положение. Никакого сна, никакого пирога с патокой, никакой кровавой бани.

— Хорошо, — сказала Ася. — Хорошо.

Она вернулась к зелёному томику и снова открыла его. Может быть, это просто дефект издания? Типографская ошибка? Она слышала о таких случаях: иногда в типографии путали страницы, вклеивали фрагменты из других книг. Редко, но бывает. Однако здесь текст был цельным, без швов. Страницы шли одна за другой, нумерация не сбивалась. Это был не брак. Это была другая версия.

И тут Ася вспомнила. Утром, когда она просматривала формуляры, ей попался странный должник — четвёртый по счёту, карточка без фамилии. Тогда она не придавала этому значения. Но сейчас эта мысль почему-то вернулась. Словно какая-то часть её сознания пыталась связать одно с другим: странный формуляр, странная книга, странное ощущение, которое висело в воздухе весь день.

Она открыла ящик стола и вытащила формуляр. Да, вот он: карточка, на которой кто-то стёр фамилию. Ася повертела её в пальцах. Бумага была чуть шероховатой в том месте, где потёрли ластиком. Она поднесла карточку к свету, пытается разобрать следы букв. Кажется, фамилия начиналась на «М» или на «Ш». А может, на «В». Разобрать не удавалось.

— Ладно, — сказала Ася и отложила карточку. — Разберёмся позже.

День клонился к вечеру. Дождь за окном почти перестал, лишь редкие капли срывались с водосточной трубы и разбивались о подоконник с тихим, почти музыкальным звуком. В библиотеке горели лампы, заливая читальный зал тёплым жёлтым светом, который придавал даже самым затрёпанным корешкам благородный оттенок. Пахло книгами, чуть-чуть сыростью из подвала и едва уловимым лимонным ароматом чистящего средства, которым Ася сегодня протёрла столы. Обычный вечер. Обычная библиотека. Но внутри у Аси всё дрожало, словно кто-то натянул струну и не отпускал.

Она выждала, пока уйдёт последний посетитель. Тихая женщина в берете, бравшая дамские романы пачками, словно закупалась впрок. И только после этого позволила себе выдохнуть и открыть ящик стола. Зелёный томик лежал там, где она его оставила, никуда не делся, не растворился в воздухе, не превратился в учебник по сопромату. Он был реален. Материален. И от него по-прежнему веяло чем-то

неправильным.

Ася достала книгу и положила перед собой. Потом встала, подошла к стеллажу и принесла ещё два издания «Острова сокровищ» — 1978 года и 2001-го. Разложила их рядом, словно улики на следственном эксперименте. Со стороны могло показаться, что библиотекарь готовится к научной работе — и, в сущности, так оно и было. Ася собиралась провести сравнительный анализ, и от результатов этого анализа зависело нечто большее, чем просто отметка в каталоге.

Она открыла все три книги на главе одиннадцатой. Издание 1978 года: «Что я услышал, сидя в бочке из-под яблок». Всё правильно. Джим Хокинс, мальчишка лет тринадцати, забирается в бочку, чтобы достать яблоко, и вдруг слышит голоса. Замирает. Слушает. Узнаёт голос Сильвера. Слышит, как одноногий кок обсуждает план мятежа с матросами, которых он склонил на свою сторону. Джим слышит всё — имена заговорщиков, детали плана, угрозы в адрес капитана и его людей. Сердце мальчика колотится, как пойманная птица, но он сидит тихо, боясь выдать себя дыханием.

Ася знала эту сцену наизусть. Она помнила, как в детстве перечитывала её с фонариком под одеялом и каждый раз задерживала дыхание вместе с Джимом. Помнила, как напряжённо следила за каждым словом, боясь, что пираты вдруг заглянут в бочку и обнаружат мальчишку. Это был идеальный саспенс — Стивенсон умел держать читателя за горло.

Издание 2001 года — то же самое. Текст совпадал с из-

данием 1978-го практически слово в слово, за исключением пары стилистических мелочей: в более новом переводе «ужасный» заменили на «жуткий», а «чёрт побери» — на «проклятье». Несущественно. Сюжет тот же. Джим подслушал. Джим спас положение. Всё на своих местах.

Теперь — зелёный томик.

Ася открыла его. Глава одиннадцатая. «Что я услышал, сидя в бочке из-под яблок». Название не изменилось. Первый абзац — описание трюма, качка, запах яблок — тоже совпадал. Но дальше начиналось то, от чего у Аси по спине бежали мурашки.

Джим забирается в бочку. В оригинале он собирается достать яблоко, просто яблоко, просто перекусить, как вдруг слышит шаги и голоса и замирает, потому что понимает: если его застанут здесь, могут неправильно понять. В зелёном томике Джим тоже забирается в бочку. Но вместо того чтобы замереть, он устраивается поудобнее. Подгребаёт под бок охапку соломы, которую кто-то бросил рядом. Зевает. Глаза его слипаются. Качка убаюкивает. «Джим и сам не заметил, как провалился в сон, — гласил текст, — и снилась ему матушка, которая пекла пирог с патокой, большой и румяный, и улыбалась ему из облаков муки».

Ася оторвалась от чтения и потёрла глаза. Она готова была поклясться, что это какая-то шутка. Но текст был напечатан тем же шрифтом, что и вся книга. Бумага та же. Чернила те же. Никаких следов вклейки или подмены страниц.

Она продолжила.

Пока Джим спит, в трюм спускаются несколько человек. Сильвер — да, вот он, «Одноногий», как называет его рассказчик, — и с ним ещё трое. Они усаживаются на перевёрнутый бочонок и начинают говорить. Никто не проверяет бочку с яблоками. Никто не думает, что их могут подслушивать. Потому что единственный, кто мог бы это сделать, мирно спит и видит пирог с патокой.

Разговор длится не меньше получаса. Сильвер подробно излагает план: дожидаться, пока сокровища окажутся на борту, потом поднять мятеж, перебить капитана и его людей, а сквайра и доктора «отправить за борт, как балласт». Он называет имена заговорщиков — девятнадцать человек из двадцати шести. Он улыбается, и в свете масляной лампы его лицо кажется лицом дьявола, добродушного и жуткого одновременно.

— Но как же мальчишка? — спрашивает один из матросов, и Ася по тексту понимает, что это Израэль Хендс.

— Мальчишку я беру на себя, — отвечает Сильвер. — Из него выйдет отличный юнга. Молодой, смыслённый. Через год будет пиратом похлеще нас с вами.

И они смеются. Смеются так громко, что, казалось бы, должны разбудить кого угодно. Но Джим спит. Спит крепко, беспробудно, как заколдованный.

Дальше текст ускоряется. Мятеж происходит на следующее утро. Пираты нападают внезапно, без предупреждения,

без того драматического напряжения, которое есть в оригинале. Капитан Смоллетт, не ожидавший атаки, получает пулю в грудь на капитанском мостике. Он падает за борт, и тело его скрывается в серой воде. Сквайра Трелони закалывают кортиком, когда он пытается добраться до оружейного ящика. Доктор Ливси сражается до последнего, но его берут в плен, а позже, уже на острове, он умирает от ран. Команда частью перебита, частью сдаётся. Остров Сокровищ уже не нужен — пираты взяли корабль, а с ним и карту.

Джим просыпается от шума. Но просыпается уже связанным. Он лежит в трюме, руки стянуты за спиной, во рту кляп. Он не понимает, что произошло, почему всё так обернулось. Последнее, что он помнит, яблочный запах и мамину улыбку. А теперь — кровь, крики и хохот пиратов наверху.

«Так закончилось наше путешествие, не успев начаться, — гласила последняя строка главы. — И никогда больше я не мог смотреть на яблоки без содрогания».

Ася закрыла книгу. В библиотеке стояла тишина. Даже лампы, казалось, перестали гудеть. Даже дождь за окном стих окончательно. Весь мир замер, давая Асе возможность осмыслить то, что она только что прочитала.

Это был не Стивенсон. Не тот Стивенсон, которого она знала. Это была какая-то мрачная, извращённая, циничная версия великого романа, в которой зло побеждало не потому, что было сильнее, а потому, что добро банально проспало свой выход. Не было ни героизма, ни приключения, ни

хэппи-энда с возвращением домой и справедливой дележкой сокровищ. Был только ужас, кровь и ощущение бессмысленной, глупой и обидной гибели.

Ася почувствовала, как внутри у неё закипает гнев. Кто-то посмел испортить её любимую книгу. Кто-то переписал идеальный сюжет, сломал его в самом важном месте, как ломают игрушку, чтобы посмотреть, что внутри. И сделал это так аккуратно, так технично, что заметить подмену мог только тот, кто знает оригинал наизусть. Только она.

— Это не опечатка, — прошептала Ася. — Это саботаж.

Она пролиставала книгу дальше. Остальные главы были на месте и выглядели нормальными — на первый взгляд. Но Ася уже не доверяла этому экземпляру. Если кто-то изменил одну главу, что мешало ему изменить и другие? Что, если там, дальше, спрятаны ещё сюрпризы? Что, если весь роман прошит ложью, как гнилое яблоко червями?

Она взяла издание 1978 года и сверила двенадцатую главу. Потом тринадцатую. Потом четырнадцатую. Всё сходилось. Изменение было точечным, хирургическим, словно кто-то аккуратно вырезал одну-единственную деталь, из-за которой весь механизм пошёл вразнос.

Ася откинулась на спинку кресла и задумалась. Она была человеком рациональным. Она не верила в мистику, в призраков, в параллельные миры и в то, что книги могут меняться сами по себе. Она верила в факты. А факты были таковы: существует три издания «Острова сокровищ». В двух текст

правильный. В одном — нет. Все три издания по документам идентичны. Типографского брака не обнаружено. Следов подделки — тоже.

Что остаётся? Остаётся одно из двух: либо кто-то очень ловко подменил страницы, сохранив при этом общий вид книги, либо Либо произошло нечто, что Ася не могла объяснить. Что-то, выходящее за рамки её опыта, её знаний и её представлений о мире.

Она предпочла первое. Подмена страниц. Да, точно. Кто-то заменил несколько листов, вклеил другие, с альтернативным текстом. Зачем? Бредовый вопрос, но хоть какой-то. Может быть, это розыгрыш. Может быть, чей-то странный эксперимент. Может быть, это сделал какой-нибудь обиженный на мир графоман, решивший «улучшить» классику.

Но что-то внутри Аси не принимало это объяснение. Бумага в зелёном томике была точно такой же, как в остальных книгах 1956 года. Шрифт, плотность, желтизна — всё совпадало. Если это и была подделка, то выполненная на уровне музейной реставрации. А зачем кому-то тратить столько усилий ради одной-единственной главы в библиотечной книжке, которую читают раз в пять лет?

— Хорошо, — сказала она вслух. — Допустим, это шутка. Тогда кто и зачем? Допустим, это брак. Тогда почему он такой избирательный? Допустим, это мистика. Тогда что дальше?

Мистика Асю не устраивала. Она вообще не любила, когда

события выходили из-под контроля. В библиотеке контроль был у неё: книги стояли по алфавиту, формуляры лежали по датам, читатели сидели по местам. Всё было предсказуемо, понятно и логично. А эта книга не была предсказуемой. Она была — и Ася подыскала слово — больной.

Да, именно. Книга казалась больной. Словно в её организм проник вирус и переписал часть генетического кода. Одна глава мутировала, и теперь вся книга выглядела иначе, даже если остальные страницы были прежними. Ася смотрела на зелёный томик и чувствовала себя врачом, который обнаружил у пациента симптом неизвестной болезни.

Она взяла книгу в руки и поднесла к свету. Может быть, есть водяные знаки? Или следы клея? Или ещё что-то? Но нет — книга как книга. Потёртый переплёт, чуть надорванный корешок, пятнышко от чая на семнадцатой странице (чьё-то неосторожность, и явно давняя). Никаких признаков вмешательства.

Ася вздохнула и закрыла книгу. Положила её поверх двух других изданий, словно старшую сестру, которая нашкодила и теперь делает вид, что ничего не случилось. За окном окончательно стемнело. На часах было почти семь — библиотека закрывалась.

Она оглядела зал. Всё было на своих местах: стулья задвинуты, лампы выключены, двери в подсобку закрыты. Обычный вечер. И только на столе лежали три книги, одна из которых была не такой, как все.

Ася решила, что возьмёт зелёный томик домой. Проверит ещё раз, на свежую голову. Поищет информацию. Может быть, свяжется с коллегами из других библиотек, вдруг у них тоже есть странные экземпляры? Она не знала, к чему это приведёт. Но оставлять загадку неразгаданной было не в её характере.

Она убрала книгу в сумку, надела плащ, взяла зонт. Потом заперла библиотеку и вышла на мокрую вечернюю улицу. Фонари отражались в лужах, создавая на асфальте иллюзию второго, перевёрнутого города. Ася шагала домой, и сумка оттягивала плечо.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.